

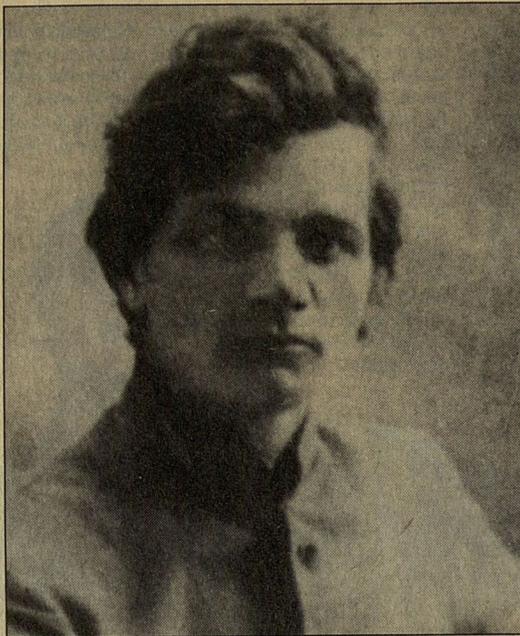
Рай Андрея Платонова

100-летие писателя и прощание с эпохой

Платонов только сегодня приходит к европейскому читателю. Да и сама Россия еще не очень ясно сознает свое национальное безумие, так проникновенно и лично прочувствованное в этой прозе, больше всего похожей на пророческий бред московских юридиков. Если бы Платонов сам не прошел все стадии революционной одержимости, он никогда не написал бы «Котлован», «Родину электричества», «Епифановские шлюзы». Он сам верил, что наступило время победы человека над Богом и природой. На смену бездумной энергии воды и солнца придет обузданное силой разума электричество. Лампочка Ильича тем и отличалась от уже изобретенной лампочки Эдисона, что являлась сакральным, священным свидетельством божественной силы социализма. Социализм героев Платонова — это новая, очень странная и еще совсем не изученная религия, где человек, овладев энергией мира, переделывает его на разумный лад. Красная религия требовала красной крови. У Платонова классовых врагов убивают не только с сочувствием к жертвам, но, я бы даже сказал, с любовью. Ведь гибель тех, кого убивают, и гибель тех, кто убивает, отнюдь не напрасна. Вскоре, а правильнее сказать, мгновенно на всех этих могилах и котлованах произрастет рай. Основанный не на презренном материальном благополучии, которое заранее приговорено к смерти, а на полном растворении личности в потоке общего дела.

Вместо Богородицы — Роза Люксембург. Вместо Бога — Ленин в ипостаси Бога-сына, и «богоотца» Карл Маркс — Фридрих Энгельс. Политика тут на самом последнем месте. Ее, можно сказать, и нет у Платонова. Речь идет о новой вере, где есть только две заповеди. Первая — никто не должен ничем обладать и владеть. Вторая — все должно всё всем. Эти два нехитрых закона эпохи военного коммунизма вселили в Платонова и в его героев и, видимо, в большинство жителей России твердую уверенность в превосходстве над всем остальным миром, еще не открывшим секрет рая на земле. Электричество, трактор, радио и даже давно открытые паровоз воспринимались, как чудо Моисея, извергнувшего жезлом воду из скалы. Иригация, мелиорация, электрификация — священнодействия социализма. Лампочка не освещала, а освящала. Керосин, бензин, мазут — священный елей социализма. Паровоз — храм и одновременно идеальная модель мироустройства. Вот так же и в обществе должны быть пригнаны все болты, гайки, поршни и втулки.

Иногда кажется, что Ленин просто цитирует Платонова, когда пишет, что литература должна стать винтиком общего партийного дела. На самом деле это сказано за много лет до появления прозы Платонова. Но все герои Платонова и он сам восходят к этой «священной» цитате. Вместе с Платоновым так же думали Филонов, Хлебников, Малевич, Маяковский — это была безумная ересь начала века. Можно сослаться на «Философию общего дела» Федорова, которую Платонов исповедовал и яростно пропагандировал в своих статьях, но правильнее здесь говорить о русской национальной идее, ослепившей всех. Несогласные были убиты или изгнаны из страны. Не следует думать, что этот социалистический бред страна приняла насильственно. Наоборот, насилие произошло из бреда.

Платонов показал, как это происходило, показал, потому что сам свято верил, что люди должны обуздать и преобразовать эротическую энергию размножения, направив ее на преобразование мира. Обуздание природы — девиз той эпохи. Ее обуздывают и покоряют даже такие гении, как Мичурин, Павлов и Циолковский. Ленин и Троцкий то же самое осуществляют в политике. Обуздать, покорить, заставить, а если не поддается, то уничтожить. Здесь нет злого умысла. Только наивная святая вера в немедленное всеобщее счастье. Погибнут миллионы незональных — туда им и дорога. Пусть выживут только сто тысяч праведников социализма. Этого вполне достаточно, чтобы захватить по-новому. Когда Ленин говорит, что для полного торжества социализма нужно несколько тысяч тракторов, он опять же словно цитирует героев Платонова. Те тоже верят в трактор или в хлипкий движок. Если взглянуть на это со стороны, то никакого рая нет. Есть только голод, смертоубийство и всеобщее одичание. Но «со стороны» у Платонова никто не смотрит. Никакой стороны в этом мире нет. Это полностью замкнутое пространство, из которого даже убежать нельзя. Да и мысль о победе никому не приходит в голову. Кто же бежит из Рая? Из него только изгоняют.

Дело не в том, что канал, который роют с таким рвением, пересохнет. Черт с ним, с каналом и с котлованом. Важен энтузиазм строителей, которые с радостью роют себе могилу, зная, что на их костях произрастет всеобщая космическая гармония. Они голодны, но голодны все. Они умирают, но все вместе. Нет, сегодняшнему человеку не понять этого истерического восторга и этой дегенеративной радости. Боюсь, что мы читаем Платонова совсем не так, как он написал. Он, как и многие гении того времени, сам был запредельным социалистом, верящим, что мир уже перестроен. Я пишу «был» и ловлю себя на ощущении, что такие цели личности, как Платонов, Хлебников, Маяковский, совершенно невысказаны вне своей утопии. Маяковский убит или застрелился, Хлебников умер от тифозного паралича, Платонов дожил до послевоенных лет и офицерской пенсии, но все написанное

не об эпохе военного коммунизма свидетельствует лишь о силе его таланта и ничего не добавляет к тому, что создано раньше.

Сталин возненавидел Платонова за рассказ о человеке, вернувшемся с войны с темным запасом ненависти в душе. На полях книги вождь, подражая Ленину, написал любимое слово обоих «сволочь». Вернее, «талантливая, но сволочь». Месть была изощренной. Арестовали сына писателя и выпустили из тюрьмы по ходатайству Шолохова лишь незадолго до смерти. Сын Платонова умер от туберкулеза.

Существует легенда, что Платонов работал дворником в Литинституте. Нет, он только получил комнату в одном из флигелюв Литинститута на Гверском, где после 91-го года появилась мемориальная доска. Это уже после смерти писателя из его комнаты сделали дворницкую. Уничтожены дневники этого самого загадочного из русских писателей XX века. Но и без дневников понятно, что перед нами не просто проза, а некое всемирное житие мучеников социалистической веры. Не учения, а именно веры. Читая Платонова, начинаешь понимать, почему после отказа

от военного коммунизма по стране прокатилась волна самоубийств. Жить обычной человеческой жизнью эти люди не приспособлены. Всемирное юродство, охватившее страну в 1917-м, продолжилось в пароксизмах трудового энтузиазма и фанатических процессах над еретиками социалистической веры. Последним поводом для новой вспышки энтузиазма стала Великая Отечественная война. Платонов прошел ее всю от начала и до конца боевым офицером, но никаких новых житийных хроник не появилось. Все главное уже было сказано. Оставались мелочи и детали. Герой Платонова мог проявиться и жить только в узком пространстве эры военного коммунизма. Житейскую нелепость такого строя Платонов видел не хуже нас, но житейское его не интересовало и не волновало. Он жил всемирно космической жадой справедливости — здесь, сейчас и немедленно. Христианская гармония почти за две тысячи лет так и не осуществилась. Поэтому пришел, как в древнегреческой трагедии, «бог из машины». Таким богом Платонову и многим гениям его времени казался социализм — а машин было много, но писателю больше всего полюбился паровоз. Он с таким восторгом описывал колеса, поршни и рычаги, что страницы эти напоминают священные тексты.

Человек Платонова существует не в цивилизации, а не то до, не то после нее. В этих людях ответ на вопрос, почему в России любые реформы заканчиваются крахом. Реформы возможны только в цивилизованном обществе. Из душевной тьмы платоновских личностей вырастают строительные леса тоталитарных империй. Впрочем, вопреки Горькому писатель должен любить людей не такими, какие они должны быть, а такими, каковы они есть. Платонов своих героев любил, и в этом трагедия русской литературы XX века. Она начиналась романом Льва Толстого «Воскресение», а продолжилась «Котлованом» Андрея Платонова. Люди с энтузиазмом вгрызаются в глубь земли и строят себе и всему человечеству большую могилу. В начале века многие думали, что впереди эпоха Толстого. В конце века стало ясно — это была эпоха Платонова.

Навстречу воскресенью — 1999 — 4 сержанты